

ПЕРО ИЗ ҚРЫЛА ФЕНИҚСА

— Тако! Эй, шкипер! Глянь, какую интересную рыбку я поймал!

Северо-западный ветер — который в Сарме называли ветром перемен, поскольку он приносил дурную погоду из Меррского котла, — крепчал с каждой секундой, и это означало, что вот-вот грянет буря. За долгую-предолгую жизнь рыбака по имени Тако пережил множество бурь, и еще одна его совсем не пугала. Но все-таки стоило принять меры, затянуть потуже пару-тройку узлов, кое-что убрать с палубы в трюм, а уж потом отвлекаться на всякие мелочи вроде Унаги с его рыбками.

«Верная», лодка Тако, была старой — куда старше, чем он сам. До него ею правили четыре других навигатора, но ни с одним из них она не бороздила моря столько, сколько с ним. Много лет они со всем справлялись вдвоем, и лишь недавно, устав от навязчивого внимания соседей и непрошеного сочувствия приятелей, Тако взял себе в помощники высоченного и очень сильного парня, про которого все говорили, что он тупее медузы, — взял просто так, не привязывая к себе и к лодке. Унаги оказался вовсе не тупым, и они втроем довольно быстро привыкли друг к другу. Но иногда Тако слегка жалел, что не может, как в прежние времена, побыть наедине с «Верной» — ведь на самом-то деле им никто не был нужен.

~ утреннее солнце золотит крыши рыбацких хижин ~

~ ласково плещутся волны ~

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

~ корабли покачиваются у причалов как будто танцуют танцуют танцуют...~

~Спасибо, родная. Я тоже тебя люблю.~

— Шкипер, ты бы поспешил, а то рыбка сдохнет.

— Забери тебя кракен... — зарычал Тако, оборачиваясь, и осекся.

Здоровяк держал за шиворот утопленника — точнее, еле живого от жажды, многочисленных синяков, ушибов и солнечных ожогов мальчишку лет двенадцати, который угодил в одну из сетей вместе с двумя десятками толстеньких красноперых крылаток. «Верная» находилась в открытом море, и выловить здесь такую рыбку было, без сомнения, вещью из ряда вон выходящей. Впрочем, Тако хватило одного пристального взгляда, чтобы во всем разобраться.

Разобравшись, он заорал:

— Унаги, крабья твоя башка! Ну почему ты сегодня не спал на ходу, как делаешь всегда? Почему не мечтал, как вечером у Бассары в таверне будешь пиво хлестать кружку за кружкой, а? Почему вместо этого ты паялился куда не надо и поймал рыбу, какую ловить нельзя?!

От этой гневной речи парень обомлел и заморгал, словно прыгунец, сиганувший поперек лодки и повстречавший на пути мачту или другое препятствие. Но Унаги-то не был глупой рыбой, он почти все время проводил рядом с Тако и знал о происходящем в порту и окрестностях не меньше, чем старый рыбак; просто ему для нужных выводов понадобилось больше времени.

— Башня... — тихонько проговорил он наконец. — Укуси меня краб...

Отсутствие любопытства — отличное качество, особенно в то нелегкое время, когда ветер и волны предвещают скорое начало если не войны, то большой смуты. С того самого дня, как жители Сармы, маленького города с довольно-таки темной репутацией, узнали, что в далекой столице Империи схвачен и казнен по обвинению в государственной

измене феникс Марко Фейра, Пламенный Князь, все они сделались очень нелюбопытными, и временами казалось, что Сарму окутало плотное покрывало, заглушавшее смех, песни и беззаботную болтовню. Они молчали, выжидали и присматривались друг к другу, особенно к морякам, которым доводилось бывать во владениях мятежного князя. Впрочем, к Тако это не имело никакого отношения, ибо он в Огненные земли давно уже не заглядывал, а если и заглядывал, то совсем ненадолго. Разве ящик-другой табака из Фого — достаточный повод, чтобы обвинить его в пособничестве мятежному клану? Да над таким предположением даже рыбы посмеются.

Вдобавок Тако не любопытен и не спросил имени того, кому продал табак.

Вот и три дня назад он не проявил ни малейшего любопытства, когда в северной части Сармы вдруг раздался страшный грохот, словно выстрелили из заряженных звездным огнем пушек, коих в маленьком провинциальном городишке отродясь не бывало. Ну, громыкнуло и громыкнуло, подумаешь. Тако и Унаги как раз перетаскивали из портового склада в трюм «Верной» ящики с товаром, который подрядились отвезти в Огами, раз уж Меррская мать, за что-то рассердившись на сармийцев, наслала на них холодные течения, прогнавшие всю мало-мальски ценную рыбу. Тако утомился — возраст, что поделывать... и, присев на один из ящиков, достал свою любимую трубочку. Он знай себе курил и грел на солнышке старые кости, а мимо шли люди, переговариваясь о случившемся. Через некоторое время в сетях, которые Тако раскинул, запуталось достаточно слов, чтобы он во всем разобрался, не сходя с места.

Взорвалась, разумеется, Башня — об этом рыбак догадался и без подсказок, потому что в Сарме не было жилища, чей хозяин занимался бы более странными и темными делишками (в городе контрабандистов это означало скорее комплимент, чем приговор, но только не в смутные

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

времена). Лейст Крейн — так звали владельца Башни — был вороном-алхимиком, а это означало, что все его уважали и боялись, но испытывали примерно столько же теплых чувств, сколько красноперая крылатка испытывает к сковороде, на которой ее собираются зажарить. Вороны вели себя с людьми гораздо приветливее, чем прочие небесные дети, магусы, — они не зазнавались, не издевались попусту, помогали чем могли и брали за помощь разумную плату. Хотя вблизи от людей жили только птицы с самых нижних жердочек, а то и вовсе бескрылые, — пресловутый Лейст Крейн принадлежал к боковой ветви раскидистого вороньего дерева, довольно хилой и не пользовавшейся особым влиянием ни в семье, ни в Империи, — земные дети все равно были многим обязаны алхимикам. Но любовь, как известно, штука сложная, а ее младшая сестра — привязанность — ничуть не проще, и потому никто Лейста Крейна не жалел. Ворону — вороново.

С его учеником дела обстояли лишь самую малость по-лучше.

Мальчишка появился в Сарме несколько месяцев назад, и Тако даже успел с ним как-то раз столкнуться на рынке. Кристоаль — так его звали — был худым и нескладным, точно вывалившийся из гнезда птенец, и очень нелюди-мым. Он проводил в Башне едва ли не больше времени, чем сам Лейст Крейн, ни с кем из портовых сорванцов не свел знакомства, и оттого никто из сармийцев понятия не имел, откуда у ворона вообще взялся ученик и чему он учится в Башне. Имя — вот и все, что они про него знали, да еще имелась забавная примета, в правдивость которой Тако не верил, пока сам не увидел: правый глаз Кристоаля был синего цвета, а левый — зеленого.

Левый глаз теперь заплыл, запекаясь кровь склеила веки. «Уцелел или нет? — подумал Тако, почесывая в затылке. — Если нет, то даже лучше. Жить можно. Одноглазых немало, а вот разноглазые — большая редкость.

К кракену такую примету, в самый раз для объявления о награде... тьфу!»

Ход собственных мыслей не понравился старому рыбаку, и он нахмурил брови.

— Говорят, к Крейну заплыли три рыбки в черном, — проговорил Унаги негромко, словно опасаясь, что кто-то их услышит. «Утопленника» он при этом без особых усилий продолжал держать на вытянутых руках. — Они ушли — и Башня рванула, словно ее напичкали звездным огнем... Думаешь, это были цепные акулы?

— Кто ж еще? — мрачно отозвался Тако. — А теперь мы с тобой растопырим плавники и станем ждать, кто первый подплывет, разинув пасть...

— Эй-эй, не гони волну! — воскликнул Унаги, впервые повысив голос на старшего товарища. — Ты ведь сам знаешь: что в море случилось, то в море осталось. Только вот... мне как-то жаль отправлять мальчишку к крабам. Он ведь чудом выжил. Может, Эльга уберегла?

— Эльга, как же! — фыркнул Тако. — Уж скорее сам Великий Шторм.

У него теперь не осталось сомнений, что этот Кристо-баль — магус.

Высшие силы — Светлая Эльга, многочисленные боги, в которых сами магусы верили и не верили, а может, и Великий Шторм собственной персоной — щедро наделили небесных детей самыми разными подарками, но если их особенным дарам мало кто завидовал всерьез, ибо с тем же успехом можно было завидовать солнцу или луне, то вот железное здоровье магусов и жизненный срок, стремящийся чуть ли не к бесконечности, уже три тысячи лет заставляли детей земли скрипеть зубами, тоскливо вздыхать и ронять горькие злые слезы от бессилия пред ликом судьбы, отсчитывавшей их собственные года, дни и минуты с видом сквалыги-ростовщика. Эльгиниты усердно воспитывали в прихожанах смирение, но слушали их только те, кому редко

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

приходилось встречаться с магами. То есть считанные единицы.

— Шторми твою мать, я не хочу неприятностей, — сказал Тако. — Я всего лишь... рыбак. Как и ты. Понимаешь, чем это может закончиться? Когда цепные акулы пронюхают, что случилось, они придут за нами... или сразу же пришлют щупачей. Тебе очень хочется, чтобы кто-нибудь поковырялся в твоей башке и узнал обо всем, что там спрятано?

— Если мы его бросим, он угодит прямиком на Крабы луга... — гнул свое Унаги. — От трех дней в море без еды и воды даже магус подохнет, и не сомневайся...

— Да знаю я, знаю! — раздраженно воскликнул старый рыбак. — В моей груди — живое сердце, а не выеденный моллюск! Опусти его на палубу, медузий сын, ему же больно!

Унаги с непривычной и трогательной аккуратностью положил свой «улов» на палубу «Верной», а та, мгновенно выпустив из основания мачты невидимое щупальце, самым кончиком потыкала мальчишку, который по-прежнему был без сознания. Раз-другой... Что же ее так заинтересовало? Кристобаль казался мертвым — лишь особое чутье нашептывало Тако, что несчастный юный магус все еще дышит, что сердце его пока что не перестало биться. «Бедняга...» — подумал старик, смягчаясь, и вдруг заметил кое-что весьма неожиданное.

— Ого, — растерянно проронил он и прищурился. — Интересный нарисовался курс. Так вот как ты выжил, птенчик...

— Чего-чего? — спросил Унаги.

Вместо ответа Тако рванул к правому борту и взмахом руки поманил помощника за собой.

Совсем рядом с «Верной» обнаружился фрегатик длиной в три локтя, с чуть великоватым парусным плавником и огромными разноцветными глазами — зеленым левым и синим правым. Существо до смешного усердно работало всеми прочими плавниками, стараясь не отстать от «Верной», такой большой, такой сильной... и чуть-чуть сердитой. Так

сердится, пряча истинные чувства, увядающая прелестница при виде молодой девицы, еще толком не осознавшей силу своей красоты.

Душесвязь между юным живым фрегатом и лежавшим на палубе мальчишкой казалась слабой, едва заметной, но Тако знал, что на самом деле она крепче всего, что только можно себе вообразить. Ни огнем, ни мечом ее не взять.

Совсем как истинную дружбу. Или любовь.

В маленьких портах чужаков не жалуют. Право слово, ничего удивительного. В городишках, где все жители знают друг друга с детства, незнакомцев считают опасными. Приходится соблюдать осторожность, если хочешь сохранить голову на плечах, особенно если где-то не столь далеко идет война, и даже те, у кого есть все на свете, кроме крыльев, не могут с уверенностью утверждать, что на следующее утро проснутся в своих постелях, а не в Небесных садах или — кто его знает? — посреди Крабьих лугов.

— Я ж тебе говорил... — с довольным видом заметил рыбак, ткнув локтем в бок товарища, с которым они драили палубу небольшого корабля. На пристани было совсем мало народу — все живые существа в здравом уме попрятались от полуденной жары. — Опять приперлись. Ну что им нейдется? Неужели так трудно уразуметь, что мы не какие-нибудь тупые крабы и понимаем, что к чему...

— Шторм их скоро сцапает, — уверенно сказал второй рыбак. — Упрямые рыбы попадают не в сети, а напрямиком на Крабьи луга — так уж заведено.

— Не призывай Его, тупица, — проворчал первый. — А ну работай, хватит болтать.

«Упрямые рыбы», о которых говорили рыбаки — высокий стройный мужчина и женщина необыкновенной кра-

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

соты, с роскошными черными волосами, — как раз вышли из безымянной гостиницы, единственной в Огами, и направились к докам вдоль причалов, где дремали маленькие фрегаты, купаясь в лучах солнца.

Эти двое прибыли в эту дыру две недели назад на большом рыботорапли под названием «Морская звезда» и ни с кем не поделились причиной, которая вынудила их остаться. Не было никаких сомнений, что остались они против воли, — скорее всего, их просто вынудил сойти на берег навигатор, разузнавший то, о чем жители Огами начали догадываться уже к исходу первого дня. Чужаки выглядели слишком хорошо во всех смыслах: слишком прямые спины, слишком благородные лица, слишком безупречные манеры, слишком добротная, пусть простая и поношенная, одежда. «Только крыльев за спиной не хватает», — говорили о таких, посмеиваясь. Говорили за спиной, ибо всех без исключения магусов неимоверно бесили любые шутки о крыльях.

Магусы, которые никому не признавались, что они магусы, выглядели очень подозрительно, и жители Огами, предпочитавшие держать ушки на макушке даже в мирные времена, сделали все возможное, чтобы не связываться со странными гостями. Так и получилось, что они застряли в маленьком порту на целых две недели, и все шло к тому, что придется им тут сидеть еще очень-очень долго.

«Капитана на борту нет, а я ничего не решаю, уж простите».

«О, я извиняюсь, но мы идем не в Гармсиль, а совсем в другую сторону».

«Гармсиль? Нет-нет, нам в... Ламар! Вот ведь незадача...»

«Пассажиров не берем».

«Я бы с радостью, но есть правило — женщин на такие маленькие корабли брать нельзя. Вы уж простите...»

«Светлая Эльга знает, я бы хотел помочь, но...»

«Увы, нет».

«Жалко вас, но...»

— **М**не вас жалко, — сказал бродяга, прятавшийся от яростного полуденного солнца в тени склада. Он был очень старый и худой как рыба-игла, а тень оказалась такой густой и длинной, что они бы его и не заметили, сиди он по-прежнему тихо. — Ох, как же мне вас жалко-то, — повторил бродяга с ухмылкой.

Из его глазниц торчали крабьи глазки-бусинки на стебельках, и был он слепым — по крайней мере, об этом в первую очередь подумал Кайрен, борясь с приступом тошноты. Он глянул на Лару, ожидая, что она испугается или хотя бы побледнеет, но лицо невесты оставалось таким же бесстрастным, как и весь последний месяц, на протяжении которого она почти не покидала свою Внутреннюю библиотеку. Он ощутил легкую жалость — ну надо же, она не увидит такую диковинку. Очарованные морем встречались редко, особенно явные, как этот бедолага, — их уже не убивали, как двести лет назад, но дети моря по-прежнему боялись всех прочих детей.

— С чего вдруг тебе нас жалеть? — спросила Лара, и Кайрен вздрогнул от неожиданности. Выражение ее лица не изменилось, но глаза заблестели от присущего всему их роду любопытства. Это были первые слова, которые он услышал от нее за последние пять дней, и самая длинная фраза за целый месяц. Ее голос звучал чуть хрипло.

— Солнце светит ярко, — сказал бродяга, шевеля жуткими глазами. — Соль такая горькая. И они близко...

— Кто близко? — спросила Лара.

— Они близко, — повторил он, словно не понимая вопроса. — Они будут полосовать вас когтями, выпьют глаза, высосут кости. Так они всегда поступают с маленькой и беззащитной добычей.

Какого бы ответа Лара ни ждала, услышанное не могло не повергнуть ее в дрожь. Кайрен взял невесту за руку — паль-

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

цы были холодные и влажные. «Два чуда за день, — подумал он. — О Светлая, прости меня, но я прошу еще об одном...»

Обращаться к Светлой Эльге даже в мыслях было богохульством, ведь они с Ларой находились под покровительством другой богини — Всезнающей госпожи, чьи крылья охватывали день и ночь, свет и тень, жизнь и смерть... ее-то и следовало просить о помощи. Или о милости. Или о том и другом сразу. Но он не боялся богохульствовать и признался бы в этом Ларе, пожелай она спросить.

Он крепче сжал ее руку и повел дальше. Миг спустя они услышали, как бродяга бормочет:

— Хищные птицы. Они летят. Они уже близко...

— Я не сомневаюсь, что он безумен, — проговорил Кайрен просто потому, что не мог молчать.

Лара посмотрела ему прямо в глаза и ничего не сказала.

Большим несчастьем было застрять в Огами — порту, о котором Кайрен раньше не знал и хотел бы никогда не знать. Маленькие порты ему всегда не нравились, а этот оказался воистину омерзительным. Здесь жил пронизательный и подозрительный народ, и, без сомнений, магусов в них признали с первого взгляда. А со второго поняли, что видят магусов-беглецов. Кайрен надеялся лишь на то, что огамийцы не поймут, какая причина заставила их покинуть родное гнездо. Если бы Лара вела себя иначе, они могли бы разыграть влюбленных, которые пошли против воли родителей, но с ее ледяным лицом такой спектакль вряд ли снискал бы успех у зрителей. Его надежда таяла как свеча, с каждым новым отказом все уменьшаясь. Она уже едва теплилась.

«Поищите шкипера Ристо, — сказал один моряк. — У него, по правде говоря, в башке временами ветер дует... Но, может быть, он отвезет вас куда надо. Голодный рыбак всякой рыбке рад».

А они и впрямь были очень, очень голодны.

В ремонтном доке воды было по пояс, и фрегату, который находился внутри, это сильно не нравилось, судя

по прищуренным глазам и нервному трепетанию мачтового плавника. Возле правого борта корабля бродил юноша, и всякий раз, когда огромное существо начинало слишком уж сильно волноваться, он прижимал обе ладони к грубой шкуре и что-то неразборчиво бормотал нежным голосом.

— Прощу прощения? — окликнул его Кайрен. Других людей видно не было.

Моряк поднял голову. На вид ему было чуть меньше двадцати: высокий, широкоплечий, но какой-то... хрупкий, словно лишь недавно оправился после тяжелой болезни или раны. Грязное лицо пересекала повязка, прикрывавшая левый глаз.

— Чего тебе? Я занят, разве не видно?

— Это «Шустрая»? — За месяцы странствий Кайрен привык не обращать внимания на грубость, если она касалась лишь его одного, но не Лары.

— Ну, вроде как она, — сказал молодой моряк и, схватив свисавший вдоль борта трос, взлетел на палубу с быстротой и ловкостью рыбы-белки. — А что, дело есть?

— Я хочу поговорить с ее шкипером. Мне сказали, его зовут Ристо.

— Вот прям сейчас шкипер оч-сильно занятой, ага...

Кайрен поморщился. Одноглазый прохвост начал безжалостно коверкать слова, как будто знал, что для магуса из их с Ларой клана это хуже ножа, приставленного к шее. «Шустрая» заворочалась, в трюме что-то загрохотало и посылались приглушенные ругательства на два голоса.

— ...Если и впрямь есть какое-никакое дельце, то придется до следующего раза обождать, — продолжил моряк, вдруг посерьезнев и бросив взгляд на люк посреди палубы. — Места нет совсем, разве что для какой-нибудь маленькой и легонькой посылочки.

Кайрен не был моряком, но знал, что у связи с фрегатом есть забавный побочный эффект: все матросы в каждой команде, большой или маленькой, напоминают своего

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

шкипера. В маленьких командах сходство сильней, и в этом нет ничего удивительного. У этого матроса, конечно, в голове дул тот же ветер, что и у навигатора «Шустрой».

— Слушай, ты, плавник дохлой акулы! Я пришел говорить со шкипером, а не с...

Тут из люка высунулся другой моряк с широким лицом, вымазанным чем-то зеленовато-черным, и копной непокорных темных волос.

— Все готово, Ристо, можно поднимать, — пробубнил он. Кайрен застыл.

— Очень хорошо, Унаги, — сказал молодой шкипер, кивая своему матросу. Кайрена не предупредили, что Ристо одноглазый, — неужели это было так сложно? Нарочно промолчали, подумал магус, стиснув зубы. Глупо было надеяться, что кто-то пожелал помочь ему от чистого сердца, пускай лишь советом. — Мы поднимем нашу малышку, погоди чуток. Я только разберусь с одним хорошим... человеком.

Многозначительная пауза не ускользнула от внимания Кайрена, и он напрягся.

Шкипер, однако, надел новую маску — теперь он глядел с симпатией и даже сочувствием.

— Давайте начистоту, — сказал одноглазый совершенно серьезным голосом, уважительно и с неким намеком на... большую образованность? Кайрен на миг поддался врожденному любопытству — единственному качеству, которое делало его похожим на более удачливых соплеменников. Возможно, померещилось, но это и впрямь могла быть одна из причин, по которым остальные моряки считали Ристо ветреным. Грамотеев в таких портах не жаловали.

— Здешние жители, — продолжил шкипер, — отнюдь не идиоты. Они знают, что вы магусы, и я знаю. Но я еще знаю, что вы... не просто так сбежали из родного гнезда. Значит, как заведено у вашего брата, по следу послали щупачей или цепных акул. А может, и тех и других.

Кайрен сглотнул:

— О чем это ты?

Одноглазый вместо ответа одарил его широкой улыбкой.

— Откуда ты... — начал Кайрен.

— О, вам должны были сказать, что у меня в голове дует ветер. Горожане правду говорят. Ну так вот, он дует и приносит разные новости, по чуть-чуть... Но вообще-то я люблю слушать, а не болтать. Так что не переживайте, никому ни словечка не скажу.

Он говорил все тише, пока не перешел на шепот, но у Кайрена был отличный слух. Он вздохнул, и одноглазый моряк, явно решив, что разговор окончен, повернулся лицом к противоположной части ремонтного дока, где располагались насосы, и прокричал какую-то заумь, понятную лишь его собратям по ремеслу. Вероятно, это был приказ, потому что уровень воды в доке тотчас же начал подниматься. Кайрен ждал. Он сам не знал, чего ждет, — Ристо высказался достаточно ясно, и Кайрену он не понравился, так что провести в такой компании дней десять в пути до Гармсиля стало бы весьма непростым испытанием.

Когда «Шустрая» поднялась достаточно высоко, Ристо перепрыгнул с палубы на стену, где стоял Кайрен. Вблизи он выглядел постарше — возможно, даже на год-другой старше самого Кайрена. Магус ощущал себя все более неловко, и положение усугублял дерзкий огонек в единственном глазу шкипера. «Как же мне все это надоело», — подумал Кайрен и едва не повернулся к Ристо и его кораблю спиной.

— Ты не рыбак, — сказала Лара. Кайрен не услышал, как его невеста пересекла узкий мостик, который вел на стену дока, и подошла к нему, но зато увидел, как резко побледнел шкипер — словно ее слова несли в себе смертельную угрозу. — Ты рыба. Очень маленькая рыбка, которая до смерти боится открытого моря и чудовищ, что живут в его глубинах. Ты не хочешь оказаться съеденным.

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

— Очень точно подмечено! — воскликнул Ристо. Его испуг прошел без следа. Что это было?.. — Можете даже назвать меня трусом, госпожа, я не обижусь. Очень уж толстокож — в общем-то, у меня шкура толстая, как у фрегата, колкости от нее отскакивают. Что ж, если больше вам нечего сказать, мне пора за работу. Даже маленьким рыбкам приходится зарабатывать себе на жизнь, знаете ли.

Кайрен посмотрел на невесту. Миг власти, миг силы миновал; теперь она выглядела обычной молодой женщиной — очень красивой и очень печальной.

— Пойдем, — негромко проговорила Лара. — Есть время сражаться, есть время любить, и есть время встретить судьбу лицом к лицу. Океан широк, но не бесконечен, и на самом краю Океана ждут двое. Кому ты достанешься — Светлой или Темному? Вот вопрос, на который никто не может ответить, даже та птица, что летает выше остальных.

Это, разумеется, была цитата из какой-то книги, что хранилась в ее Библиотеке — священном месте, которого Кайрен, бескрылый, не мог даже вообразить. Он взял ее за руку и повернулся, чтобы уйти, но внезапно, вопреки собственным желаниям, вновь взглянул на одноглазого моряка, своего ровесника.

Ристо стоял, скрестив руки на груди. Что-то в его лице изменилось.

— Мне проблемы с щупачами, конечно, без надобности, — проговорил он, явно размышляя вслух. — Но, возможно, я и впрямь слишком маленькая рыбка, чтобы меня заметили такие крупные птицы, как они?..

Лара закрыла глаза. Кайрен перевел дух.

— Это будет непросто, знаете ли. Челнок у меня маленький, троим и то тесновато, а пятеро... — Ристо покачал головой и вместо продолжения стал наблюдать, как уровень воды в доке наконец сравнялся с наружным, открылись воротца и фрегат, неистово работая плавниками, выплыл на волю. На его лице промелькнула нежная, почти отеческая

улыбка. Он продолжил: — Что ж, если вы еще не передумали... Добро пожаловать на борт ~Шустрой~!!

«... И случилась великая война между Кланами, катастрофа как для детей земли, так и для детей неба. Даже бескрылые, не обладающие особыми талантами, по природе своей сильные воины, а многие из тех, кому эти таланты все-таки достались, почти непобедимы. Всегда было известно, что такие кланы, как Орел, Цапля или Ястреб, способны на поле боя и за его пределами учинить великие разрушения, и они каждым своим поступком доказывали, что слухи не врут. Зато погибали редко, предоставляя эту участь нам, людям, которых они называют “детьми суши”...»

Лара Софффио захлопнула книгу и вернула ее на полку. «Способны на поле боя и за его пределами учинить великие разрушения...»

Последние шесть месяцев в ее памяти превратились в россыпь разноцветных стеклянных осколков — в остатки прекрасного витража — того самого, который Лара любила с детства. Он назывался «Роза Мира» и включал картины из разных эпох этого мира, а также некоторые сцены, имевшие отношение к Прародине; впрочем, даже Сариден Белая Сова, ее прабабушка, не могла с уверенностью сказать, можно ли им верить. Семь месяцев назад, во время ее помолвки с Кайреном, по всему залу плясали разноцветные блики, порожденные этим витражом в лучах солнца.

«Роза Мира» разбилась первой, когда началась война. Прямо посреди собрания, которое в зале проводили старейшины, витраж взорвался — и неистовый дождь осколков обрушился на их головы. Сколько пролилось крови...

Насколько знали Лара и Кайрен, их цитадель все еще держалась, хотя говорили, что многие защитники Совиного Гнезда мертвы. Мертвы как пыль посреди сухого лета. Лара

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

попыталась вообразить, что происходит сейчас в том месте, которое было ей так хорошо известно, — в конце концов, она читала более чем о двух сотнях войн, малых и великих. Письма, хроники — и даже бухгалтерские книги, описывающие войну своим странным языком денег, языком цифр. Но эта новая война велась на языке, которого Лара не понимала, и никто пока что не написал о ней.

И, наверное, не напишет.

Книжная полка — самая необычная вещь, какую только можно обнаружить на челноке контрабандистов. Ларе попадались на глаза моряки, которые таскали за поясом «Заветы Эльги» и время от времени их читали, если нечем было заняться. Но целая полка? Очень странно. И еще более странными оказались книги как таковые, явно собранные не случайным образом, — «Искусство войны на море», «Осада Орлиного Гнезда», «Тактика»...

Когда она рассказала об этом Кайрену, он лишь плечами пожал:

— Как я и говорил, этот шкипер — самая чудная рыбешка в целом океане. Хорошо бы нам не пришлось пожалеть, что мы взошли на борт его корабля.

Лара не помнила, что именно ее жених говорил о Ристо. Большую часть времени она проводила, читая и перечитывая бесчисленные книги, хранившиеся Внутри, и они стали ее спасительницами в широком море скорби, которое они с Кайреном так отчаянно пытались пересечь. Лара тайне думала, что это море не имеет края, — но, впрочем, она всегда могла начать заново с той первой книги, которую взяла с полки в своей Внутренней библиотеке больше тридцати лет назад.

Книги шкипера там тоже были — и она все читала, — но оказалось приятно держать их в руках, листать, чувствовать шероховатости на переплете. Ристо явно берег их от влаги, плесени и прочих опасностей морской жизни. Он их любил так же сильно, как она, — это было совиным качеством.

Лара улыбнулась против собственной воли и, мгновение поколебавшись, взяла с полки томик, от которого по спине пробежали мурашки.

«Соль и пепел» — та самая книга, которую она цитировала в Огами, возле дока.

Маленькая и потрепанная, даже слегка обгорелая по краям — словно случайно уцелела во время большого пожара. Но бумага была хорошего качества, и текст — не рукописный, а отпечатанный на крафтеровской машине, так что ущерб оказался не очень серьезным — бери и читай. Никто не знал, кто автор этого памфлета, открыто нацеленного против Цапли-над-цаплями — Птичьего владыки, капитана-императора Аматейна; по слухам, крамольный текст написал какой-то младший феникс, возможно бескрылый, достаточно незначительный, чтобы избежать внимания цепных акул, и достаточно умный и образованный, чтобы избрать столь изысканный способ мести за свой уничтоженный клан. Книга быстро сделалась популярной: цитаты из нее передавались из уст в уста. Вероятно, автор оставался неизвестным по той простой причине, что кончил так же, как и большая часть экземпляров книги, — в костре на площади. Лишь немногие фениксы не боялись огня, да и тем не удалось скрыться от гнева его величества.

Лара открыла книгу наугад.

«Богатство не имеет значения, сила не имеет значения, власть не имеет значения. Знай, что важны лишь соль и пепел, только и всего. Соль в крови и соль в слезах, а в самом конце — пепел. Насколько широк размах твоих крыльев? Как высоко ты летаешь? Как долго живешь? Все это не имеет значения, ибо соль горька, а те, кто летает, кровью истекают так же, как те, кто ходит по земле».

К аюта шкипера теперь принадлежала ей. Несомненно, Ристо весьма сердился на самого себя из-за того, что

поддался сочувствию и взял их на борт. Тем не менее он с веселым удивлением отметил, что Кайрен не присоединился к ней в каюте, и пришлось объяснять, что они еще не муж и жена. Его товарищи-моряки явно сгорали от любопытства, но вопросов не задавали.

Их было двое. Первый, Унаги, выглядывал из люка, когда они повстречали Ристо в сухом доке. Он был на год или два старше шкипера, но относился к нему покровительственно, словно к очень юному и непутевому брату. Вообще-то оба моряка казались старшими братьями этого одноглазого нахала, но Велин-целитель был на самом деле гораздо старше — лет тридцати пяти или, может, сорока. Такой возраст Лара могла воспринимать лишь умозрительно, и целитель парадоксальным образом казался ей больным.

И еще, разумеется, был сам корабль — «Шустрая», одномачтовый челнок с разноцветными глазами: левый — зеленый, а правый — синий. Слегка непривычно, однако Лара повидала немало фрегатов и читала о множестве других живых кораблей. Она знала, что фрегат Золотого Императора, «Золотая бабочка», получил имя благодаря отблеску на парусах. Она знала, что некоторые фрегаты светятся, а некоторые поют. Знала, что фрегаты клана Буревестника умеют предсказывать шторм.

Ребенком она засыпала вопросами гостивших у отца навигаторов. Ее интересовало все. Как рождаются фрегаты? Похоже, это было никому не известно. Они просто появлялись из океанских глубин и туда же уходили, заканчивая свой жизненный путь. Чем отличаются корабли-самки от кораблей-самцов? По малолетству она не понимала, до чего это неудобный вопрос и почему он заставляет моряков смеяться, а лорда Сову — хмурить брови в притворном гневе. Лишь научившись забираться по лесенке на более высокие уровни Внутренней библиотеки, Лара узнала, в чем дело. Различия между фрегатами, связанными с женщинами и мужчинами, и впрямь существовали, однако не

были заметны внешне и никто не мог точно сказать, в чем именно они заключаются.

«Шустрая» отнеслась к ее присутствию на борту спокойнее, чем рассчитывала команда. Прочитать истинные эмоции шкипера по его лицу мешала повязка, а физиономия Унаги была совершенно непроницаемой, но зато Велин не скрывал своих чувств. Они боялись, что случится... что-то. Лара знала правила — на малых кораблях с навигаторами-мужчинами не привечают женщин: их присутствие влечет за собой опасность столь же малопонятную, как различия между самцами и самками фрегатов. И поэтому, когда Велин вздохнул с облегчением, Ристо изобразил подобие улыбки, а Унаги хмыкнул, она сказала себе, что все будет хорошо.

Но ошибалась.

«Шустрая» летела вперед и вперед, быстрая как рыба-белка, быстрая как ветер, быстрая как мысль. От водяных брызг платье Лары промокло — последнее оставшееся у нее платье, простое, но красивое, — но ей было наплевать. На миг она почувствовала себя почти счастливой, словно ничего не случилось, и окно-роза все еще цело, и никому не пришлось вытаскивать из ран осколки. Она посреди океана, она свободна. Она... сама по себе?

Вот уж нет.

— Если позволите, я бы напомнил, что ветер холодный и в мокром платье вы замерзнете быстрее, чем можно предположить, — проговорил Велин, приблизившись. — Нам предстоит еще несколько дней пути, и мне не хотелось бы...

Он замолчал, как будто смутившись.

— Я не заболею, — сказала Лара, понимая, что ей пытаются сообщить. «Не простужайтесь, иначе мне придется открыть ваш разум и прочесть его как книгу, без уважения к секретам». — А если и заболею, то не тяжело. Не думаю, что мне понадобятся услуги целителя.

Он благодарно кивнул.

— Кстати, — продолжила Лара, — если не возражаете, я задам один вопрос. Вы целитель, а целители читают людей почти как чайки-чтецы — те, кого вы чаще называете щупачами. Таким, как вы, хорошо платят, и найти достойную работу им не трудно. Почему же...

Она поколебалась, и Велин тихонько рассмеялся:

— Кажется, моя очередь заканчивать фразу. Что ж, все очень просто: шкипер — мой друг. Унаги — тоже мой друг, но шкипер... я однажды спас ему жизнь. Я это делал несколько раз, но в ту нашу первую встречу между нами что-то возникло — какая-то связь. Так бывает. Можно сказать, он мне как брат. И я его не брошу ради денег или лучшей жизни.

— Извините, если я вас обидела.

— Я ничуть не обиделся! — Велин продолжал добродушно улыбаться. — Я отлично понимаю, как глупо это с вашей точки зрения. Но... так уж вышло. Мы в одной команде. Такими вещами не пренебрегают.

Для Лары это были просто слова, и она кивнула, понимая, что целитель больше ничего не сможет объяснить. Посмотрела в сторону кормы — там Унаги и Ристо играли в игру, напоминавшую знакомые ей шахматы. У носа лодки сидел Кайрен и медитировал с закрытыми глазами или просто притворялся, что медитирует. Ведь у него не было своей Внутренней библиотеки.

«Мы в одной команде...»

Это ведь просто фигура речи, верно?

— Велин, на западном горизонте что-нибудь видно? — спросил Ристо, не поднимая головы от игровой доски. — Не хочу отвлекаться, иначе Унаги сожрет моего «шарката».

Лара расслышала в его голосе тревожные нотки. Велин их тоже заметил — или, может быть, шкипер передал ему совсем другой мысленный приказ? — и, нахмурившись, подошел ближе к фальшборту, прикрыл глаза ладонью от

солнца. Лара ничего не видела — лишь море и редкие облака в небе, но миг спустя движения целителя сделались напряженными, сигнализируя о беспокойстве с настойчивостью маяка перед началом шторма.

— В чем дело? — спросила она тем голосом, каким магусы обычно разговаривают с детьми суши.

Велин поколебался.

— Понимаете, «Шустрая» — особенный фрегат. Она... склонна шутить, и время от времени шутки у нее коварные. Но неопасные! Просто досадные. Она как ребенок.

— Балованный ребенок, — уточнил Ристо.

— А кто ее разбаловал? — парировал Велин. Это было похоже на напоминание о каком-то событии, известном троем членам команды, потому что Ристо и Унаги ухмыльнулись, но сам целитель остался серьезным. Он повернулся к шкиперу, помрачнев. — Ристо, по-моему, на этот раз она не валяет дурака. Возможно, кто-то и впрямь преследует нас.

Лара почувствовала озноб.

Шкипер вскочил и подошел к фальшборту так, что его слепой глаз оказался со стороны Лары, и ее в очередной раз передернуло. Она ощутила вспышку гнева. Да кто он такой, чтобы выводить ее из себя, нарочно демонстрируя свое увечье? Но это чувство было мимолетным: у нее появилась более важная проблема. Почему они так уверены, что загадочный невидимый фрегат на горизонте преследует «Шуструю»? Океан ведь так широк...

— Что она тебе сообщает? — спросил Велин.

Лара не поняла вопроса, но потом Ристо заговорил, тихо и хрипло:

— Фрегат-ловец, идет под всеми парусами. Голодный и злой на своего навигатора, потому что тот гонит его без жалости. Настойчивый. И движется в точности тем же курсом, что и мы.

— Откуда вы все это знаете? — против собственной воли спросила Лара. Ристо повернулся к ней, а потом бросил

взгляд на подошедшего к ним Кайрена. — Как вы могли все это узнать? Или это представление для того, чтобы выбить из нас побольше денег? Вы не...

— Я не из таких, — перебил шкипер. — И давайте не будем ходить вокруг да около: вы понимаете не хуже меня — это за вами погоня, а не за ~Шустрой~.

— Как ты себе... — начал Кайрен, но Ристо опять позволил себе перебить магуса.

— Я на этом корабле навигатор, а не мертвый груз, и знаю все, что должен знать. Пусть иной раз до меня долго доходит. Я сразу понял, что вы опальные небожители, но теперь думаю, что упустил пару важных деталей. Итак. К какой же из обреченных семей вы принадлежите? Ласточки? Пересмешники? Белокрылые голубки? Или... хм...

— Совы, — сказала Лара, заслужив сердитый взгляд Кайрена. — Мы совы.

Велин охнул. Лицо Унаги осталось бесстрастным. Ристо прищурил единственный глаз:

— А в чем ваш второй секрет?

Лара вздохнула:

— Мы единственные, кому удалось сбежать из Совино-го Гнезда несколько месяцев назад. Если цепные акулы его величества поймают меня, он прекратит осаду и уничтожит крепость. Я нужна ему, чтобы покончить с кланом бунтовщиков.

— Но почему? — с безграничным изумлением спросил Велин.

— Дело не в ней как таковой, — мягко проговорил Ристо, глядя на Лару единственным глазом. Выражение лица у него сделалось странное... такое же, как в прошлый раз, в доках. — Дело в ее особенной драгоценной памяти. Перед вами, друзья мои, принцесса-сова собственной персоной.

Лара надеялась, что «Шустрая» докажет, что свое имя получила не зря, и оторвется от фрегата-преследова-

теля. Но, судя по всему, маленький челнок не мог соревноваться с кораблем-ловцом, рожденным для того, чтобы практически летать над волнами, и расстояние между ними неуклонно сокращалось. На борту никто друг с другом не разговаривал, и все выглядело так, словно никакие отчаянные усилия Ристо не позволят им сбежать от погони. Это продолжалось два или три часа, а потом ветер вдруг переменялся. Заметно ослабел.

И стих совсем.

Оба фрегата остановились посреди темно-синего зеркала океана, словно два листка, унесенных ветром. Под водой прятались большие плавники, которые позволяли им двигаться при полном безветрии, но из книг Лара знала, что это слишком утомительно как для самих кораблей, так и для их навигаторов. Она не сочла это удачным стечением обстоятельств — в конце концов, штиль не длится вечно, — однако Велин вдруг устремил на шкипера многозначительный взгляд.

— Нет, — резко сказал тот. — И речи быть не может.

— Почему? — искренне изумился целитель. — Ты предпочитаешь иметь дело... с этими?

— Ничего плохого они нам не сделают, — ответил Ристо так неуверенно, что вспыхнувшее было беспокойство Лары тотчас угасло. — Мы для них слишком маленькие рыбки. И всегда можно сказать, что... — Он замялся, подыскивая слова.

— У них на борту щупачи, я уверен, — сказал Велин, посуравев. — Если она и впрямь принцесса-сова, в которой так отчаянно нуждается сам капитан-император, неужели ты думаешь, будто нам уготовят иную участь, кроме как прямым курсом на Крабьи луга? Да ладно. Я слишком хорошо тебя знаю. Ты кто угодно — только не дурак.

Ристо нахмурился:

— Ну-ну, ты хочешь, чтобы она спела, я понял. А если произойдет... кое-что?

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

Велин вздрогнул, а Унаги что-то невнятно пробормотал себе под нос.

— Не произойдет, — проговорил целитель, явно собрав уверенность по крупицам. — А если произойдет, то лишь потому, что ты ей не доверяешь.

— О, убедил и успокоил. Спасибо, друг мой дорогой.

— Что происходит? — хмуро спросил Кайрен. — Я больше не в силах это терпеть.

Ристо посмотрел на него, прищурился единственным глазом, но ничего не сказал. Махнул Унаги, и широкоплечий моряк исчез в трюме. Сам шкипер отправился на нос лодки и там замер. Велин ободряюще улыбнулся:

— Все будет в порядке. Не надо переживать.

— Я требую... — начал Кайрен и осекся, болезненно морщась — нелепость заявлений такого рода была очевидной. — Что вы собираетесь делать? Ну хоть полслова выделите нам, дражайший целитель.

— Проще показать! — ответил Велин и внезапно перешел на просторечный говор рыбаков и морских фермеров: — Вы только погодьте!

Появился Унаги, и они вдвоем предались занятиям, которые казались Кайрену и Ларе бессмысленными, если не безумными. Достали из трюма с дюжину веревок и прикрепили по обоим бортам суденышка, бросив свободные концы в воду. К ним были привязаны какие-то палки. Возможно, в книгах из Внутренней библиотеки Лары содержалось описание этого странного действия — ритуала? — но что-то подсказало ей, чтобы она не отвлекалась. Лара взяла Кайрена за руку. Он улыбнулся, приятно удивленный этим жестом.

Все это время Ристо стоял не шевелясь, и лишь когда Велин бросил за борт последний конец, он встряхнулся и на губах его заиграла коварная улыбка.

— Итак, — провозгласил он, — кто хочет услышать, как корабль поет?

Сперва раздался свист, такой тонкий, что быстро вышел за границы слышимости. Потом плеск. Лара ринулась к фальшборту и увидела, что под водой «Шуструю» окружают какие-то серые и гладкие создания. Они подбирались все ближе и ближе, высовывая над гладью океана улыбочивые морды, а потом начали брать привязанные к веревкам палки в свои челюсти — и...

Фрегат вздрогнул — раз, другой. Сдвинулся с места.

И быстро стал набирать скорость.

— Держитесь! — крикнул Велин. Лара схватилась за фальшборт. Внезапно «Шустрая» полетела вперед проворнее, чем под собственными парусами, которые теперь были сложены, и по ее огромному телу время от времени пробегали странные судороги — Лара ощущала их через фальшборт и даже через подошвы собственных туфель. Она вспомнила про «кое-что», вызывавшее у моряков беспокойство и страх. О чем они говорили? Ей и впрямь не стоит бояться?

А вдруг фрегат, от которого они оторвались, был не самым страшным, что могло с нею случиться?..

— Осторожнее, — сказал Велин, подобравшись ближе к ней и Кайрену. — Если упадете за борт, мы не сумеем остановиться и помочь вам выбраться из воды. Дельфы очарованы песней. Они только и знают, что двигаться вперед.

— О, так это... — Лара ошеломленно покачала головой. — Шкипер ведь сказал, что она будет петь. Так фрегаты песней не только рыбу приманивают, чтобы питаться?

— «Шустрая» — не только, — сказал Велин. — Про других ничего не знаю.

— А как насчет «кое-чего», что бы ни имелось в виду?

Он успокаивающе улыбнулся:

— Не переживайте, госпожа. Как я уже сказал, все будет хорошо.

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

Существа, которых Велин назвал дельфами, несли их много часов. Солнце наполовину опустилось за горизонт, когда дельфы побросали веревки и — некоторые напоследок выпрыгнули из воды и кувыркнулись в прохладном вечернем воздухе — исчезли в морских глубинах. Не было никаких признаков «кое-чего», равно как и преследующего их фрегата, так что Лара наконец-то успокоилась. Отправилась в каюту, съела немного черствого хлеба и сушеного мяса из своих дорожных запасов, а потом легла на койку шкипера и задремала.

Ночью Кайрен разбудил ее. Голос у него был встревоженный, руки слегка тряслись. Палуба опять содрогалась — весь корабль дрожал словно в лихорадке, — и Лара тотчас же поняла, что вот-вот случится нечто ужасное, если уже не случилось.

«Шустрая» была испугана до полусмерти.

— Этот тупица-капитан со своим тупым фрегатом занесли нас в гнездо мурен, — громким шепотом проговорил Кайрен. — Сейчас они спят. Но если хоть одна из них проснется, задетая корпусом этой дрянной лодки, они нас на части разорвут. Ты только не беспокойся. Если какая-то тварь сюда прорвется — я буду с нею сражаться за двоих.

Теперь она увидела в руках у Кайрена топор. Ее жених умел обращаться с оружием, хотя и не так хорошо, как иные небожители, — совы, по большому счету, были слабейшими среди магусов, потому что их особый талант имел нематериальную природу. Вороны, которые принципиально не брали в руки оружия, были даже опаснее скоп с их колючими кулаками или могучих орлов, поскольку умели убивать одним прикосновением. А цапли, включая самого капитана-императора, могли убить словом и даже мыслью. С совами все обстояло иначе, хотя Кайрен все-таки был сильнее среднего человека.

Как и сама Лара.

— Найди мне еще один топор, — потребовала она, вскакивая с койки. — Или какое-нибудь другое оружие. Я иду с тобой наверх.

И она выбежала из маленькой каюты, не дав ему и шанса возразить.

Наверху было темно. Наверху было холодно. Корабельные фонари едва просматривались в клубящемся тумане, и ей понадобилось некоторое время, чтобы различить троих моряков — Велин и Унаги находились на корме, а Ристо держался ближе к носу, — вооруженных топорами и, в случае шкипера, саблей.

— Ступайте вниз, — сказал он, не оборачиваясь. — Мы справимся сами.

Голос его звучал напряженно, но без страха. Лара выдохнула. Она многое знала о муренах — по крайней мере больше, чем о дельфах, — потому что вокруг ее родных островов они водились в избытке. Эти твари внушали страх и вполне заслужили свою репутацию, но в это время года чаще всего были сонными и вялыми. Чтобы пробудить их ото сна, требовалось нечто большее, чем проплывающая мимо лодка. В особенности маленькая и... шустрая.

Но если они на самом деле проснутся, никакие топоры не помогут.

Двигаясь очень осторожно и медленно, Лара подошла к фальшборту и посмотрела вниз. Воды она не увидела — только клубящийся туман и витки тел морских змей: треугольные головы со слишком длинными зубами, которые торчали наружу из сомкнутых пастей, закрытые глаза — лишь кое-где проглядывали мерцающие щелочки болезненно-желтого цвета, — и чешую, и слизь... У Лары перехватило дыхание. «Помоги нам, Матерь Сова, — безмолвно взмолилась она. — Помоги нам, Пресветлая. Клянусь, я оплачу за услугу — я помогу кому-то другому. Вы обе знаете, что я послушная дочь».

Казалось, что это прохождение через спутанный клубок смертельно опасных существ никогда не закончится.

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

Лара не слышала ничего, кроме собственного колотящегося сердца — биение было ровным, но куда более быстрым, чем обычно. Время от времени ей казалось, что она чувствует на себе чей-то взгляд — не Кайрена, Ристо или двух других моряков, но ~чей-то~ еще. Скорее всего — самого фрегата. Лара нашла в себе силы мысленно заверить живой корабль, что все будет в порядке, но заговорить вслух не осмелилась. А потом поняла, что «Шустрая» не может читать ее мысли — ведь она не член команды.

И все равно она подумала: «Я здесь, я с тобой. И останусь до конца».

Спустя вечность внизу мелькнула чистая вода, и Ларе показалось, что они выбрались из смертельно опасной ловушки. Ристо, как будто прочитав ее мысли, громко прошептал:

— Это еще не все...

И тут что-то с глухим звуком ударило о корпус фрегата. Огромная клиновидная голова взмыла со стороны правого борта, где стояла Лара. Мурена была темно-синей или темно-зеленой, так что в ночном тумане выглядела почти черной: ее глаза светились точно две жаровни, и она зашипела на «Шуструю» и Лару, оказавшуюся ближе всех, оскалив длинные зубы. На один ужасный миг Лара поверила, что осталась с этой тварью один на один. Кто-то ее оттолкнул — сверкнула сталь. Лара зажмурилась. Как она могла вообще подумать о том, чтобы взять в руки топор, защищая себя и остальных? Ей только в Библиотеке и сидеть, ибо мир бесконечных морей, живых фрегатов и монстров принадлежит тем, у кого сильные крылья. Или тем, кто справляется вовсе без таковых.

Мурена издала громкий визгливый вопль. Это было плохо, очень плохо — она наверняка разбудила остальных в гнезде. Но что-то зашуршало над головой Лары: она открыла глаза и увидела, как паруса на плавнике-мачте разворачиваются целиком и ветер наполняет их до краев, как

вино наполняет чашу. «Шустрая» ринулась вперед быстрой стрелы. Раздались новые вопли, посреди темной воды промелькнули извивающиеся тела. «Мы не успеем», — поняла Лара. Ее страх исчез — бессмысленно бояться неизбежного. Она выпрямилась, расправила плечи. Рядом с нею был Кайрен, а трое моряков у кормы ждали, когда мурены догонят «Шуструю». Вот и конец долгого пути...

Прямо по курсу мелькнул свет.

«Что это?..»

Это был фрегат.

Это был самый странный фрегат из всех, какие Лара видела воочию или о каких читала в книгах. Прежде всего, он оказался белого цвета. Не цвета снега или цветка лилии. Цвета глаз слепца, цвета пепла на погасших углях. И еще он был огромным. Самые большие живые фрегаты Лара видела в Ламаре, где имелся достаточно просторный порт: четырехмачтовые громадины, посреди которых «Шустрая» выглядела бы котенком посреди стаи волкодавов. А этот... этот на их фоне казался жеребцом-тяжеловозом. У него было не то шесть, не то семь мачт — Лара не смогла их сосчитать из-за спутанных снастей и рваных парусов, большей частью безвольно обвисших. Как же тогда он двигался? Неужели его глаза, тошнотворные как скисшее молоко, что-то видели?

И кто был его навигатором?..

Лара наконец-то поняла, что этот фрегат ей все-таки известен — по книгам, разумеется. Ее удостоил визитом призрак из невысказанно далекого прошлого, одна из самых странных загадок бескрайнего океана. Люди рассказывали байки об этом корабле, намекая, что им управляет сам Великий Шторм. Лара почти поверила, но потом нашла в себе силы заглянуть в слепые глаза странного и на удивление материального видения: не было в них ни ненависти, ни коварства, присущих повелителю морских бурь — одна лишь безграничная печаль.

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

— Белый Фрегат... — потрясенно проговорил Кайрен. — Я и не думал, что увижу его собственными глазами...

— В море и не такое случается, — сказал Велин с намеком на бахвальство, и Унаги утвердительно хмыкнул. Оба заметно расслабились и теперь стояли рядом с Ларой — там, откуда было проще увидеть огромный белый корабль, исчезающий в тумане справа по борту. Вопли мурен стихли, сами они скрылись из вида. Море успокоилось, и туман начал рассеиваться, словно уходя вслед за Белым Фрегатом. В чистом небе звезды светили весело, как будто ничего особенного не произошло.

— Чудом уцелели, — сказал Кайрен и нервно рассмеялся. Велин кивнул и мгновенно помрачнел. Он повернулся к Ристо, который тихо стоял у кормы, держа в руке саблю.

— Что? — резко спросил целитель.

Когда шкипер не ответил, Велин и Унаги бросились к нему — но он вскинул руку, и они замерли как вкопанные.

— Ни шагу, — хрипло проговорил Ристо. Он вдруг глухо застонал и согнулся пополам, рухнул на колени, выронив оружие. В свете корабельных фонарей Лара увидела, что его лицо сделалось белым, в цвет призрачного фрегата, который они только что повстречали. Он оскалил зубы от мучительной боли, и его единственный глаз широко распахнулся от ужаса.

— Ты ранен? — спросил Велин. — Мурены, они... «Шустрая» ранена?

— Зря надеешься, — простонал Ристо. — Ты знаешь, в чем дело.

— Да в чем же?! — вскричала Лара.

Велин повернулся к ней, не пряча смятения:

— «Шустрая» хочет расти, стать большой. Ристо не согласен. Она вот уже некоторое время вела себя смиренно, без фокусов, но мы знали, что она ждет... и теперь, из-за мурен и всего остального, он ослабил контроль. Она растет.

— И это всё? Почему вы так испугались?

На этот раз ответил Ристо.

— Потому что, — прохрипел он, — ей надо набрать вес, а мы для нее всего лишь... сырье. — Он помолчал и прибавил с кривой ухмылкой: — Точнее, пища.

Наверное, следовало бы прыгнуть за борт, но всех парализовал страх. Велин и Унаги бросились к Ристо — хоть он и запрещал им двигаться, — и это было последнее, что Лара увидела перед тем, как раздался страшный неопиcуемый звук, от которого заныли кости и зубы и что-то едва не лопнуло внутри черепа. Он сводил с ума, и Лара, зажмурившись и рухнув на колени, зажала уши ладонями, тщетно пытаясь защититься от него. Но он шел со всех сторон, и сам воздух вибрировал от него. Прошла целая вечность, прежде чем снова наступила тишина.

Она оказалась недолгой. Раздался громкий хруст и скрежет, и, хотя Лара стояла на коленях, ей показалось, что палуба уходит из-под ног. Сначала доски сделались мягкими, как рыхлая земля, и податливыми, как поверхность болота. Лара не могла открыть глаза, не могла пошевелиться. Она не чувствовала боли, но испытывала странное ощущение — словно что-то дергало ее сознание, какой-то вопрос на языке, которого она не понимала и поэтому была не в силах ответить, хотя каким-то образом знала, что ответ важен, что от него зависит чья-то жизнь. Силу — существо, задававшее этот вопрос, — разочаровала ее непонятливость.

Потом над нею раздался шорох, и ~кто-то~ вздохнул с облегчением.

«Кое-что» случилось.

Она сделалась... большой. Может, в два раза крупней, чем раньше: с одной высокой мачтой и зачатками еще двух, вровень с макушкой Лары, с парусами, до сих пор свернутыми в плотный кокон, покрытый чем-то вроде жира. Главная мачта с виду не очень-то впечатляла, но было понятно, что трансформация

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

не завершена, и мысленным взором Лара видела, какой высокой она должна стать. Гораздо выше, чем теперь.

Она была неполна.

Палуба оказалась твердой только там, где стояли люди, но через пару локтей от них начинались дыры или пятна из прозрачной и хрупкой пленки либо материала, похожего на паутину и явно не способного вынести чей-то вес. Но сам корпус был крепким, потому что они не шли ко дну. По крайней мере, пока не шли.

Паруса на главной мачте были зеленого цвета.

Лара видела немало фрегатов с цветными парусами. Впрочем, нет: на самом деле они просто отсвечивали розовым, желтым, синим; их испещряли пятна и полосы, видимые под определенным углом. Но эти — эти оказались изумрудно-зелеными. Они почти сияли в свете раннего утра, полоскались на ветру, и Лара вдруг поняла, что вот-вот расплатится от счастья.

~Кто-то~ расхохотался на два голоса.

Лара перевела взгляд в сторону и увидела Ристо — шкипер смеялся слегка истерично, спрятав лицо в ладонях, и спина его содрогалась. Его одежда выглядела еще более потрепанной, чем раньше, но и платье Лары обзавелось дырами на подоле, как будто его разъела кислота или изжевало какое-то животное, а на руках и ногах появились ссадины и легкие ожоги.

Ристо отнял руки от лица, и его повязка упала на палубу. Лара ахнула от неожиданности. Шкипер на самом деле вовсе не был одноглазым: его правый глаз был синим, а вот левый — тот, который до сих пор скрывала повязка, — оказался зеленым. Зеленым, как паруса его фрегата. Лара внезапно вспомнила, что и у «Шустрой» глаза разного цвета.

И зачем только он носил повязку на здоровом глазу?..

— Мы живы, — прошептал рядом с ней Кайрен.

Лара протянула ему руку; оба поднялись, внимательно следя, чтобы не наступить на ту часть палубы, которая

провалилась бы под ними. Это оказалось непросто. Веллин и Унаги, соблюдая те же предосторожности, пытались понять, что именно изменилось в их корабле. Ристо был единственным, кто не двигался, — с безмерно усталым видом он сидел на прежнем месте, выпрямив спину и скрестив ноги. Неподалеку валялась сабля, которую он уронил, когда все началось.

— Я бы посоветовал вам пока что воздержаться от прогулок, — сказал он, прищуривая странные глаза и глядя прямо на Лару.

Теперь, когда больше не нужно было бороться с присутствующим всем небожителям отвращением к уродству, она вдруг поняла, что для жителя суши Ристо весьма хорош собой. В чертах его лица проскальзывало нечто благородное — сильная челюсть, четко очерченные губы, прямой нос и эти глаза... Ристо усмехнулся, отлично понимая, о чем она думает, и Лара покраснела.

— Она еще не закончила, — продолжил он. — Она теперь песней призовет всю рыбу на двадцать миль в округе напрямиком к себе в пасть. Надеюсь, ей не попадется какая-нибудь тварь, слишком большая, чтобы проглотить. Надо подождать... хм... четыре часа, пять? Ну, по крайней мере, она достаточно счастлива, чтобы не сожрать кого-то из нас.

И они стали ждать.

Лара о многом хотела спросить, но моряки были явно не расположены беседовать, сердились на своенравный фрегат, и если хотели что-то сказать, то делали это беззвучно. Потому она закрыла глаза и удалилась во Внутреннюю библиотеку, ощутив легкие угрызения совести из-за того, что оставляет Кайрена в одиночестве. Однако недавние события слишком выбили ее из колеи, чтобы оставаться целиком и полностью в наружном мире. Она блуждала по комнатам Библиотеки довольно долго, время от времени беря с полки то одну, то другую книгу. Прочитала о призрачном корабле, Белом Фрегате, но не узнала ничего интересного — ей

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

и так было известно, что это создание появилось где-то во время Потерянной эпохи, стертой из памяти Сов.

Прочитала о фрегатах.

О муренах и дельфах.

А потом взяла с полки томик под названием «Соль и пепел» и начала его перечитывать.

«Соль горька, и пепел горек. Вот идешь ты по тонкой линии меж суши и морем, и ноги твои остаются сухими. Ты улыбаешься, ты поешь; ты забываешь, что ждет тебя в конце пути.

А стоило бы помнить».

— Лара! Лара, проснись!
Это был не сон, а повторение того, что уже случилось перед рассветом. Теперь у них над головой сияло полуденное солнце, но в остальном все осталось без изменений. Лара была далеко от дома. На борту фрегата. И Кайрен пытался ее разбудить — вывести из библиотечного транса, — потому что приближался монстр.

Опять.

Придя в себя, Лара немедленно осознала, что на этот раз им не спастись. Оставалось лишь гадать, как именно фрегат-ловец умудрился разыскать свою жертву в бескрайнем океане. Так или иначе, их настигали, и это вовсе не удивляло: «Шустрая» болталась на волнах, будто пустая ореховая скорлупа. Парус на главной мачте она порвала, попытавшись поймать ветер, и Лара заметила, как Ристо при этом скривился. Не от гнева — от боли. И выглядел он таким сбитым с толку, что Лара и Кайрен поняли без лишних слов: ни дельфов, ни других трюков не будет.

В конце концов ловец подошел вплотную к «Шустрой», выставил абордажные крючья и прицепился к челноку, который не был больше челноком.

К ним на борт перешли трое.

Три небожителя, незнакомых Ларе и Кайрену. Один — явно скопа, с шипастыми кулаками и игольчатыми выступами на лице и шее, составлявшими видимую часть его боевого облика. Клановая принадлежность другого угадывалась без труда: на его надменном лице, на его длинном темном одеянии словно было написано красным: «Чайка». Или щупач — так называли его сородичей, способных читать мысли. А вот третий мог быть из любого семейства с даром, не имевшим внешних признаков. Быстрый ястреб, могучий орел — самый надежный союзник капитана-императора, — или представитель какого-то из менее значимых кланов, служивших цаплям верой и правдой.

— День добрый, госпожа Великая Сова, — сказал этот третий с любезной улыбкой и поклонился. Двое других последовали его примеру, хоть и едва заметно поколебались. — Я так рад, что нам наконец-то удалось встретиться.

— Не могу ответить тем же, — холодно ответила Лара. — Что вам нужно?

— Разве это не очевидно? — спросил магус, чье лицо сохраняло любезное выражение, несмотря на ее прямолинейность на грани грубости. — Мы хотим сопроводить вас в Облачный город, госпожа Великая Сова. Его величество желает с вами познакомиться, и он с радостью предоставит вам подходящее жилище до той поры, пока Совиное Гнездо не отремонтируют... или, если точнее, не отстроят заново. Ибо я сомневаюсь, что от ремонта будет хоть какой-то прок.

Лишь теперь Лара осознала, как он к ней обратился — дважды!

«Госпожа Великая Сова».

Кайрен рядом с нею тихонько охнул.

Лара уставилась на магуса, чей клан оставался неизвестным, как и имя.

Вид у него был крайне самодовольный и уверенный. То, как он с нею разговаривал, не уделяя внимания ее

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

спутнику и морякам, раздражало Лару так сильно, что ей с трудом удалось сосредоточиться на главном. Он обращался к ней как к *главе клана*, намекая, что Совиное Гнездо пало и большая часть ее родных мертва... все, кто старше ее, мертвы. По крайней мере, из главной родовой ветви, полноправных Библиотекарей, они точно никого не оставили. Зачем капитану-императору прошлое, которое нельзя переписать по своему желанию? А вот бескрылых, вроде Кайрена, могли и пощадить.

Или нет. Они ведь, в конце концов, тоже отказались признавать власть Цапли.

На краткий миг самодовольная улыбка исчезла с лица безымянного магуса.

— Лжешь, — сказала Лара. — Они не умерли.

— А в чем разница, девочка моя? — вступил в разговор щупач, изогнув бровь. Лара почувствовала, что он очень стар. С возрастом у крылатых небожителей были сложные отношения: они не менялись с течением времени и обычно выглядели молодыми и красивыми до самой смерти. Но от старых магусов веяло холодом, и именно холод она ощутила теперь. — Даже если кто-то выжил — я сомневаюсь, что это возможно, однако давай притворимся ради продолжения беседы, — что это меняет? Перечислим факты — безусловные факты, весомые факты, с которыми поспорит лишь безумец или дурак. Ты наследница лорда Сова и владеешь полной и почти безупречной Внутренней библиотекой, и сейчас ты можешь лишь отправиться вместе с нами, потому что бойцы из сов никудашные. — Щупач одарил ее кривой ухмылкой. — Кроме того, ты напугана. Ты так напугана, моя бедная маленькая птичка...

— Предлагаю продолжить беседу на борту нашего фрегата, — нетерпеливо перебил первый магус. — Слова «н е п о к о р н о с т ь» больше нет в вашем словаре, моя дорогая.

Слова... какого еще слова?

Лара растерянно моргнула. Он что-то сказал, он обратился к ней — в этом не было никаких сомнений, но смысл сказанного мгновенно покинул ее разум. Будто зачарованная, она шагнула вперед. Где-то на заднем плане внутренний голос бесстрастно отметил: о, капитан-император счел тебя достаточно важной персоной, чтобы отправить за тобой своего родственника, ну надо же...

Еще шаг.

Как все просто, как легко: можно больше не бежать. Отныне она ни в чем не будет нуждаться, получит в свое распоряжение все блага, какие только можно себе представить, потому что щупач, разумеется, прав: совы не умеют сражаться. Совы мирные, спокойные книжники, добродушные, но необщительные, предпочитающие общество себе подобных. Наверное, это их и погубило... в числе прочих причин. Не сумели вовремя обзавестись друзьями. Слишком увязли в прошлом и недооценили то, как быстро менялось настоящее.

И опять она шагнула вперед, а потом мир погрузился в хаос.

В третий раз за одни сутки.

Щупач зашипел. Кайрен прыгнул вперед, вопя и размахивая саблей Ристо, которая невесть как оказалась у него в руке. Цапля выругался и отшатнулся.

«Ах, — пронеслось в голове у Лары, — вы ведь ненамного сильнее сов, когда вас никто не слушает».

Скопа ударил шипастым кулаком — и полетели брызги чьей-то крови.

А потом...

Потом три ее врага стали пламенем.

Они не загорелись, словно облитые звездным огнем. Они целиком превратились в пламя и исчезли в один миг — в одной вспышке. Ничего от них не осталось — ни единой частицы пепла.

Лара ощутила почти необоримое желание распахнуть двери в свою Внутреннюю библиотеку и запереться там,

она даже услышала знакомый скрип несмазанных петель — но потом сжала кулаки так, что ногти вонзились в ладони. «Позже». И она повернулась, избавившись от невидимого поводка, и забытое слово вернулось в ее память, в ее разум.

«Непокорность».

Кайрен лежал на палубе, под ним ширилось темное пятно. Кровь мгновенно впитывали «доски» — на самом деле плоть живого фрегата, — но крови было слишком много, и слишком много боли. Велин упал на колени рядом с ним, простер руки над раной, но Лара прочитала много книг и знала: даже у чудесных целительских способностей есть предел. Даже Пресветлая Эльга не спасла бы обреченного.

Чуть позади от нее стоял шкипер. Рука его все еще была поднята, а разноцветные глаза сияли жутким огнем, какого Лара никогда не видела и даже не думала, что увидит. Она не хотела увидеть *такое* снова.

«Позже!»

Она рухнула на палубу рядом со своим женихом. Велин опустил ладони ниже, но Кайрен неожиданно поднял руку, гоня целителя прочь. Он стремительно слабел, но смысл жеста был прост и понятен. Кайрен не помнил столько книг, сколько помнила она, но чувствовал приближение Великого Шторма.

— Зачем? — спросила Лара.

Он улыбнулся, глядя на нее с нежностью. Это была совсем слабая, призрачная улыбка, но Лара ее увидела. Что-то обожгло ее изнутри — какое-то странное мощное пламя, сродни тому, которое уничтожило трех магусов.

Краем глаза заметив шевеление, Лара подняла голову. Шкипер Ристо подошел к фальшборту и громко и спокойно проговорил, обращаясь к морякам фрегата-ловца, которых они не могли видеть, поскольку его борт высоко вздымался над палубой «Шустрой».

— Я знаю: сейчас вы спрашиваете себя, правда ли увидели то, что увидели, или же это был какой-то трюк со

звездным огнем и крафтверовской машиной. И, возможно, подумываете спуститься, чтобы разобраться в случившемся и, если получится, отомстить.

Ответа не было, и шкипер продолжил все тем же ровным голосом:

– На вашем месте я бы отсюда ушел. Ох, нет. Я бы убежал!

Сначала была тишина, а потом раздался треск, и абордажные крючья начали подниматься. Лара выдохнула и повернулась к Кайрену, который был еще жив. Велин что-то говорил о необходимости спешить, но она не слушала.

– Зачем? – спросила она, чувствуя на щеках жгучие слезы.

– Затем, – прошептал он, – что бескрылые птицы по-другому не летают.

Они погребли Кайрена в море. Это означало, что «Шустрая» сожрала его тело.

Лара не стала возражать. Она знала, что нет ни единой возможности довести его до суши и надлежащим образом сжечь на погребальном костре. Так что оставалось лишь море, и какая разница – рыбы или живой фрегат? Лара была слишком растерянна, чтобы об этом думать. Они унесли тело в трюм; в какой-то момент она почувствовала... нечто. ~Прикосновение~. Вздых. Шепот. Ни в одной из прочитанных книг не было ответов на вопросы, которые стайкой встревоженных мальков вертелись у нее в голове: а с телами своих друзей моряки так же поступают? Что чувствуют, когда корабли их съедают? Если связь между членами команды и впрямь так сильна, как принято считать, – смерть одного должна быть мукой для всех...

А если они правы, и умерший на воде действительно попадает во владения Великого Шторма? Ох, Пресветлая, забери его, защити его. Защити после смерти, как не смогла защитить при жизни.

После с Ларой никто не разговаривал, и она была этому рада.

Пришла ночь, и все четверо остались на палубе корабля, медленно идущего по волнам. Они устали, проголодались и замерзли. «Шустрая» поглотила все, что нашла на палубе и под нею, — остались только вещи, что были на них. Унаги снова спустился в трюм и вернулся, неся в своей рубашке несколько маленьких рыб. Велин выпотрошил их своим ножом, а потом посмотрел на Ристо, обращаясь к нему с какой-то молчаливой просьбой. Шкипер покосился на Лару и пожал плечами.

Велин взял одну тушку за хвост и вытянул руку. Ристо прищурился — и рыба начала поджариваться на невидимом огне. Сначала раздалось тихое потрескивание, потом поплыл чудный аромат; то же самое повторилось с остальными рыбами. Ристо хмыкнул, закрыл глаза, как будто все это совершенно его не касалось.

— Надо поесть, — сказал Велин.

Лара отрешенно кивнула.

Двери во Внутреннюю библиотеку были приоткрыты, и она стояла перед ними в нерешительности. Внутри царил тьма. Лара видела через щель полки, уставленные книгами, но в них теперь ощущалось что-то незнакомое, словно она ненароком забрела в чужую Библиотеку. Немыслимо. Невозможно. И все же, все же...

«Итак, госпожа невеликая Сова. Что ты теперь будешь делать?»

Она вздрогнула и вдруг поняла, что сильно замерзла. Из-за приоткрытых дверей тянуло ледяным холодом. Во Внутренней библиотеке подобное тоже было невозможным, однако Лара уже ничему не удивлялась. Наверное, цапля, чьего имени она так и не узнала, сказал правду. Или его слова стали правдой вопреки мыслям и желаниям. Ее Библиотека — последняя, и правила вполне могли измениться.

А если она возьмет и... останется здесь навсегда? Что случится с ее разумом и душой, когда тело наконец-то прекратит жить? Сделается ли она призраком в призрачной Библиотеке? Лара попыталась вообразить себе мир, который не меняется: огромный мир, но все же имеющий предел. Время Внутри текло медленно. Однажды книги ей наскучат. Но выйти она уже не сможет.

Нет. Она не хотела такого конца. Она не допустит такого конца.

Слово, потерянное и найденное, пульсировало в ее сознании.

Н е п о к о р н о с т ь .

Странное дело — она и не думала, что это слово имеет хоть какую-то ценность, пока его не попытались отнять.

«Соль тяжела, пепел легок, но ветер унесит прочь и то и другое. Что же остается? Пустота? Нет, память. О волнах и слезах, о костре и тепле; о тех, кого больше нет. О, широк океан, но не бесконечен, и на неизведанных берегах ждут унесенные ветром призраки...

Есть в этом мире нечто хрупкое и прочное одновременно: уничтожить его — мечом ли, огнем — как будто не стоит труда, но пройдет время, и посреди пепелища возникнет то, чего не может быть. Приглядись-ка — что ты видишь?

Ты видишь *надежду*.

Знай и помни: не горит она в огне».

— Ш кипер Ристо? Или... лорд Фейра? Как мне теперь тебя называть?

Он явно удивился, услышав ее голос после дня — или двух? или больше? — молчания. Лара сдержала улыбку. Она сидела на палубе, смутно припоминая, что чуть раньше находилась в темной и пустой комнате, где странно пахло и со всех сторон раздавались звуки — вздохи, сдавленные крики, поскрипывания и щелчки — тихие, на самой границе

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

слышимости... Каюта. Выходит, «Шустрая» кое-как соорудила для них отдельные помещения. Еще неделю назад Лара оценила бы этот жест, но теперь ей было все равно.

Солнце клонилось к закату. Велин и Унаги возились с главной мачтой, которая мало изменилась по сравнению с тем, какой была сразу же после превращения: уцелевший парус сделался плотней, только и всего. Лара ничего не смыслила в морском деле, но все же поняла, что моряки просто убивают время, чтобы не сойти с ума от вынужденного безделья. Шкипер сидел неподалеку от нее — лицо усталое, осунувшееся, глаза покраснели от недосыпа. Он был чем-то встревожен.

— Что не так? — спросила Лара, нахмурившись.

«Если не считать того, что мы на борту живого фрегата, который нас едва не сожрал и теперь идет куда хочет, а мы можем лишь гадать, Гармсил в конце пути или Крабьи луга».

Ристо покачал головой и улыбнулся. Улыбка была вымученной и лишь убедила Лару, что тревога шкипера ей не померещилась. А еще она опять почувствовала странное, уже знакомое присутствие: «Шустрая» снова пыталась с нею говорить на своем непонятном языке.

— Я ее не понимаю, — сказала Лара вслух.

Ристо вытаращил глаза, в растерянности приоткрыл рот.

— Я тоже, — признался он через некоторое время, болезненно морщась. — Стыд и позор... Мы вместе восемь лет, она спасла мне жизнь. А теперь я перестал ее понимать.

— Только теперь? — спросила Лара. — Мне кажется, все началось гораздо раньше. Должно было начаться раньше. В тот день, когда ты впервые почувствовал, что она хочет расти... и впервые попытался ей это запретить.

Он хмыкнул и придвинулся ближе. Два других моряка продолжали забавляться с мачтой и парусами, но Лара ощущала, что они прислушиваются.

— Ты ведешь себя странно для женщины, которая... перенесла столько всего, — деликатно заметил Ристо. — Уверена, что я ненароком не взял тебя в команду? Потому что я-то как раз засомневался.

— Видно, что ты никогда не имел дела с совами. Нас временами трудно понять.

— Выходит, не взял. — Он коротко рассмеялся. — Иначе понимал бы как себя самого... впрочем, себя я тоже не всегда понимаю, но ты все равно права. Тогда поставлю вопрос ребром: может, мне и впрямь стоит тебя завербовать?

Лара хотела сказать «нет». Лара хотела сказать «да». Она прикусила язык и задумалась. Фрегат — это новая жизнь. Она из магусов — она сильна и умна. Она действительно может оказаться полезной. Она женщина — ну и что? Теперь-то ясно, что моряки тревожились по другой причине. Или... не ясно?

~Спину словно ледяным ветром обдало. ~

— Она не этого хочет, — тихонько проговорила Лара.

— Ох... — Он нахмурился, что-то пробормотал себе под нос и не стал продолжать.

Лара вздохнула, зажмурилась и прижала обе ладони к палубе, ощущая шершавые доски. Плоть живого фрегата.

— Расскажи, — попросила она. — Расскажи о себе. Ты был ребенком, когда твой клан уничтожили. Как ты выжил? Потому что, хотя я и не маленькая девочка, опыта в таких делах у меня нет.

— Я не был один. — Почему-то в голосе Ристо ей слышался мягкий упрек. — Одному очень трудно.

Может, все-таки сказать «да»? Он сможет... он заставит...

«Ты ведь помнишь, как тебя однажды заставили?..»

Она открыла глаза.

— Назови мне свое полное имя, шкипер.

— Ты его знаешь, — ответил он, смутившись. — Ты сова — совы не забывают.

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

До чего печально, что об этом таланте сов знали все, включая капитана-императора...

— Скажи вслух. Я хочу его услышать из твоих уст.

Он смятенно фыркнул, внезапно побледнел, прищурил разноцветные глаза. Лара вспомнила их первую встречу — как будто вечность прошла — и то, каким юным ей показался этот «скипер Ристо». Лет восемнадцати, совсем мальчишка.

А потом она поняла, что он старше.

А потом она поняла, что он хорош собой.

А потом она поняла, что...

— Кристобаль Фе́йра, — сказал феникс, магус, ее брат, могущественный и одинокий... в точности как она сама. — Последний из Стражей пламени. Ты это хотела услышать?

~Да.~

Она улыбнулась, созерцая перемену. Та была едва заметной, но Лара ее видела отчетливо. Осанка скипера стала чуть прямее; лицо помрачнело, но от этого лишь сделалось еще привлекательней; что-то сверкнуло на дне разноцветных глаз. Сидевший перед Ларой человек — магус! — был не из тех, кого можно просто так сбросить со счетов, не заметить или забыть. Сейчас она не совершила бы той же ошибки, что в порту Огами.

— Знаешь, ведь все до безумия просто. Ей не нравится, что ты прячешься от самого себя.

Велин и Унаги теперь не скрывали, что слушают их разговор, хотя и не приближались.

— И что я должен делать? — спросил Кристобаль, криво ухмыльнувшись. — Объявить во всеулышание, что жив-здоров, желаю встретиться с капитаном-императором и обнять его как старого друга нашей семьи, *горячо?*

— Ты ведь именно это и сделал, когда спас меня, разве нет?

Он покачал головой:

— Люди постоянно рассказывают байки о фениксах, которые выжили и где-то прячутся. Никто не поверит тем морякам. — А вот он в собственные слова верил... почти. — Понимаешь, я ведь не всемогущ. Капитан-император убил мою семью. Сейчас он старше и, говорят, очень болен, но сможет убить меня с прежней легкостью, потому что я один.

— Он и мою семью убил.

— Что я должен делать? — повторил феникс с нажимом.

Лара встала и подошла к фальшборту. Солнце зависло над горизонтом, словно не зная, как ему дальше быть. Ветер усилился, и позади раздался шелест — это «Шустрая» открывала и закрывала паруса на пока еще маленькой главной мачте. В какой-то момент Лара как будто *увидела* порывы ветра, подталкивающие, как ладонями, странное существо, на чьей спине они стояли вчетвером, заставляющие его двигаться вперед и вперед. Однако полностью доверять ветру не стоило. Вот почему фрегат, хотя и был в восторге от своего нового облика, действовал осмотрительно. «Шустрая» понимала, что ей не хватает знаний и опыта, — это не мешало ей оставаться храброй и дерзкой.

Оставаться собой.

— Да что хочешь, то и делай, — сказала Лара. — Ступай куда хочешь. Судьба сведет вас однажды — это я вижу, как если бы моей птицей был Буревестник, а не Сова. Просто... больше не отказывайся от самого себя и не принуждай свой фрегат делать то же самое.

— А если поточнее?..

— Ну... — Лара вдруг рассердилась из-за его непонятливости и брякнула наобум: — Для начала поменяй ей имя.

Внезапно ~присутствие~ сделалось таким большим и всеобъемлющим, что на миг она потерялась в нечеловеческом разуме. Как будто родилась — и умерла — и обрела бессмертие — разом. Она не удалилась во Внутреннюю библиотеку, но почувствовала, как книги посыпались с полок и полетели точно стая птиц. Внутри опять зажегся

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

свет, и расцвела Роза Мира, яркая и красивая, как когда-то. И ~кто-то~ стоял прямо у нее за спиной — дух, призрак, едва различимый абрис человеческой фигуры. Этот ~кто-то~ вздохнул с облегчением, благодарно, а потом исчез.

«На здоровье, — подумала Лара. — Впрочем... мы квиты».

— И как же ты умудрился ее потерять, дурень? — спросил Тако, хмуря брови. — Великий Шторм заменил мозги в твоей башке на крабы, не иначе. О, если бы я уже знал эту историю, когда ты появился у моего порога, немедля задал бы тебе хорошую трепку...

Кристобаль уныло улыбнулся и ничего не сказал.

Они сидели на скамье рядом с домиком Тако. Небо на востоке светлело: гость заявился в полночь, и темное время суток старый моряк и молодой провели за разговорами, делясь новостями, хотя Тако особенно нечем было делиться. Он теперь берег свои старые кости — поселился на суше, предоставив «Верной» возможность свободно плавать где хочется. Впрочем, ни один вечер не проходил без того, чтобы неподалеку от берега не мелькнул ее парус и Тако не почувствовал знакомое ~прикосновение~ к своему разуму.

— «Невеста ветра», — проговорил он. — Замысловатое имечко. Сам придумал?

Молодой магус пожал плечами и снова ничего не сказал.

— Ветер — тот, что снаружи, или тот, что в твоей дурной голове?

— Не знаю.

Тако хмыкнул:

— Ну ничего-ничего. За сотню-другую лет разберешься как-нибудь.

Бывший «шкипер Ристо» вздохнул. Конечно, он по-прежнему не использовал своего настоящего имени, но теперь назывался Кристобалем Крейном. Тако решил, что

это правильный ход. Однажды люди заметят, что его подопечный не стареет. Пусть уж лучше с самого начала его признают — шепотом, украдкой — бескрылым вороном, а не обычным человеком.

Впрочем, подумал рыбак, и без этого сплетен будет много.

— Не понимаю, как я потерял ее в Гармсиле, — рассеянно проговорил Кристобаль, глядя перед собой. — Мы туда прибыли и, сами того не желая, устроили переполох. Все хотели поглядеть на мою ~Невесту ветра~, все хотели к ней прикоснуться. Кое-кто начал предлагать разные сделки, всякие сделки. Я всем твердил одно и то же: ей нужно время, чтобы закончить превращение, поговорим потом. Лара была рядом. Мы отправились к Бассалию — надо ж было объяснить, как и почему я потерял его груз. Лара была рядом. Бассаль чуть живот не надорвал от хохота, а потом сообщил, что дает мне отсрочку на полгода. Я уже все ему вернул, если хочешь знать. И она была рядом. Но где-то после этого разговора... исчезла. Испарилась, как водяной дух.

— Что ты делал перед тем, как заметил, что ее нет?

Кристобаль поколебался.

— Глядел на ~Невесту~, — наконец признался он. — Думал, куда податься дальше.

Тако кивнул с таким видом, что слова не понадобились. Кристобаль отвернулся.

«Ты еще так молод, птенчик мой...»

— Почти год прошел, — продолжил молодой магус. — Сперва я пытался ее разыскать, но безуспешно. Затем мне понадобилось обратиться к корабельному мастеру, потому что ~Невеста~ по-прежнему доставляла проблемы. Приключилась весьма забавная история, которую я тоже должен рассказать. Вообще-то я этого мастера завербовал, и мне бы хотелось вас познакомить. Ты мог бы...

— Вынужден повторить уже в который раз: меня ты не завербуешь, — перебил Тако.

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

— Просто прими к сведению — я все равно буду пытаться... И так, мне не удалось выйти на след Лары Соффио ни в Гармсиле, ни где-то еще. Но два дня назад мы остановились в Седой гавани, и там на рынке я услышал кое-что странное. — Он растерянно покачал головой, словно самому себе не веря. — В Ламаре у одного торговца цепные акулы нашли книгу — «Соль и пепел». И другую такую же — в Ниэмаре. И еще в трех местах... по меньшей мере.

Тако сперва не понял.

— Ох...

— Да-да. Копия Лейста, как ты прекрасно знаешь, была единственным сохранившимся экземпляром. Который ~Невеста~ слопала вместе с остальными моими книгами. Найдись всего одна книга, я бы решил — совпадение. Но это не так. Лара ее снова написала, как-то умудрилась сделать много копий, и... — Он умолк, глядя Тако прямо в глаза.

Старый рыбак улыбнулся светло и чуть-чуть печально:

— Да, ошибки быть не может, я ее вижу...

— Что видишь?..

— Связующую нить. Между тобой и твоей судьбой.

Крупная тебе досталась рыба, малыш.

Юноша прищурил разноцветные глаза и тоже улыбнулся.

— Ага, — сказал он с гордостью. — Еще какая!

В гавани Огами фрегат с изумрудно-зелеными парусами весело фыркнул в знак согласия.